

О Василии Михайловиче

Я точно не помню, когда я познакомился с Василием Михайловичем. Думаю, что не меньше, чем 45 лет назад. Мы встречались на разных конференциях, например на конференциях Петровского в МГУ и на различных конференциях в ЛОМИ. Но теплые отношения у нас сложились в начале девяностых годов прошлого века. Я делал доклады в ЛОМИ на семинаре по дифракции и распространению волн, которым руководили Василий Михайлович, Владимир Сергеевич Булдырев и Иван Анатольевич Молотков, и который проходил (и проходит) по вторникам в 15:15 в аудитории 311. Конечно, в этой аудитории проводится много других семинаров и конференций. Руководители семинара сидели за большим круглым столом, который до сих пор стоит в этой аудитории. Обстановка, по крайней мере во время моих выступлений, всегда была очень доброжелательной. Как Василий Михайлович, так и другие участники семинара помогали своими вопросами и комментариями правильным образом донести до слушателей содержание представляемого доклада, а до докладчика — некоторую информацию, которой он не очень хорошо владел. В этой же аудитории часто проходили и заседания секций конференций, в частности конференции “Дни Дифракции”, с участием Василия Михайловича. Его участие подтверждало высокую репутацию конференций. После семинара часто проходило чаепитие и Василий Михайлович рассказывал различные интересные истории. Последний день “Дней Дифракции”, за редким исключением, перемещался в Университет в Петергофе, и вечером на поляне за железной дорогой проходил пикник, включающий игры в городки и, конечно, интересные тосты, песни и неформальное общение. Мне кажется, я несколько раз играл в городки вместе с Василием Михайловичем. В организации пикника и поддержке его “духа” принимали активное участие Миша Бабич, Валера Грикуров, Витя Залипаев, Алеша Киселев, Аня Кирпичникова, Миша Лялинов, Валера Смышляев и многие другие. Я думаю, что роль Василия Михайловича в создании такого коллектива активно работающих ученых и интересных в общении людей очень велика. Мои ученики говорили мне, что участие в “Днях Дифракции” и пикнике было большим дополнительным стимулом заниматься наукой — с выдающимися учеными можно было общаться “на равных”, задавать вопросы и слушать разные интересные истории.

Хочу еще добавить, что Василий Михайлович был оппонентом у меня на докторской диссертации, и его поддержка была для меня очень важной. И я уверен, что его поддержка и помощь другим (молодым по сравнению с ним) ученым сыграла важную роль в их научной жизни.

Вот несколько историй о нем, может необычных для такого выдающегося человека, которые я запомнил.

Мне кажется, Василий Михайлович любил на даче заниматься выращиванием овощей, в частности огурцов. И он часто делился со мной и с другими людьми своими достижениями, говорил: “В этом году 30 килограмм огурцов взял”. Еще как-то он рассказывал немного про блокадное время и про эвакуацию. И почему-то рассказал, что во время эвакуации они какое-то время провели на берегу речки Песь (между Москвой и Петербургом, но восток от Октябрьской железной дороги), а я как раз на нее в период разговора ходил в водный поход. Он поделился со мной воспоминаниями

об этой речке и том времени, а я теперь, когда поход на эту речку вспоминаю, то и Василия Михайловича вспоминаю.

Мы общались с Василием Михайловичем и в неформальной обстановке. Даже жили больше месяца в одной квартире в городе Мехико. Там он рассказал мне историю о том, как он с коллегами был на конференции в Париже, они жили в одной квартире, денег было немного, в ресторане их тратить не хотелось, и они готовили еду дома. При этом ситуация с кастрюлями была плохая — больших кастрюль не было, но был мощный кипяtilьник и раковина. И, насколько я понимаю, Василий Михайлович и сообразил, что раковину можно хорошо вымыть и варить в ней с помощью кипяtilьника не только картошку и пельмени, но и суп. Что они и делали.

Почему-то я еще помню, что Василий Михайлович не любил покупать себе одежду. У него в Мехико протерлись брюки и он жаловался, что очень неохота новые покупать. Но мы договорились вместе пойти в магазин. Он взял какие-то, примерил, и было видно, что они не годятся, но он стал говорить, что черт с ними, пойдем отсюда скорее. Мне пришлось много сил потратить, чтобы его убедить еще несколько джинсов примерить и купить нормальные.

Другая история про деньги и метро в Мехико. К нам домой (в квартиру, где, я уже писал, мы жили вместе) можно было добираться от двух станций, одна была немного дальше от дома, и до нее нужно было идти больше пешком. А чтобы выйти на второй, более близкой станции, нужно было сделать пересадку на огромном пересадочном узле с большим количеством пересекающихся пешеходных переходов. Причем там всегда было очень много народу и много жуликов. У Василия Михайловича была джинсовая курточка, и ему выдали зарплату, которую он положил во внутренний карман. Я говорил Василию Михайловичу, что на этот пересадочный узел соваться не стоит, там уже ограбили моего друга А. Чеботарева — разрезали бритвой нагрудный застегнутый карман и вытащили кошелек. Лучше с другой станции домой идти. Но он все-таки решил ехать с пересадкой, и там, как он рассказывал, наверное, было видно, что он радуется зарплате, но что он плохо ориентируется на пересадке, и какие-то двое или трое ребят ему предложили помочь с правильным выбором пути. Когда они были недалеко от платформы, они сказали, что нужно быстрее протискиваться через толпу пассажиров — “побежали-побежали!” — где-то его обжимали-обнимали и потом затолкали в поезд, а сами не поехали. Когда поезд тронулся, денег в кармане уже не было. Конечно, он расстроился, но не безумно, и про эту историю потом рассказывал с юмором.

Сергей Юрьевич Доброхотов